

лесовики, кикиморы, букушки, полуденки и прочие произведения быстрого воображения суеверного народа?» (стр. 158).

При расспросах охотников он старался выяснить, как осмысливают они сами то или иное поверье, считая без этого запись неполноценной (стр. 250). Сообщив о «суеверном обычае» русских («не говоря об инородцах») съедать на охоте почки убитого «снедного» зверя сырыми, он добавляет с сожалением, что «не мог дознать причину и основания» этого (стр. 464).

Книга Черкасова может быть полезна для этнографов и фольклористов и тем, что описанные им повадки животных и птиц и типические случаи на охоте помогают лучше понять конкретную действительность, легшую в основу известных фольклорных сюжетов. Сказка о лисе, например, занявшей хатку зайца, имеет широкие аналогии в нравах не только этого зверя (лиса занимает норы барсуков, причем иногда и хозяин остается в части того же помещения, стр. 177), но и других: барсук перелезывает для себя сурочьи норы, покончив с их обитателями (стр. 176), куница помещается в беличьих и даже в птичьих гнездах (стр. 184), выдра, в свою очередь, — в лисьих и барсучьих норах, отнятых или пустующих (стр. 203). Есть аналогии и к сказкам о лисе, притворившейся мертвой (стр. 135).

Несколько слов следует сказать о редакционных примечаниях к книге А. А. Черкасова. Следовало бы комментировать не только его биологические и технические высказывания, но и некоторые этнографические. Конеч «рожной» на зайца, конечно, обжигали не для того, чтобы они походили «на обгоревшие пеньки» (стр. 444), а чтобы сделать дерево крепче: обожженные наконечники деревянного оружия и орудий известны и у ряда современных народов, отставших в своем историческом развитии, и по археологическим находкам.

В ряде случаев редактор книги, привлеки специалистов, смог бы указать, с какого языка заимствован тот или иной термин, употреблявшийся русскими-сибиряками.

Книга иллюстрирована современными художниками-анималистами А. Н. Комаровым и В. Ф. Федотовым; это в основном удачные изображения животных и птиц, рисунков же охотничьей снасти в книге почти нет, а те, что имеются, взяты из авторского издания прошлого века.

Р. Липец

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

П. Г. Богатырев, *Словацкие эпические рассказы и лиро-эпические песни* («Збойничий цикл»). М., 1963, 191 стр.

В народном поэтическом творчестве позднефеодалного периода значительное место занимает образ «благородного разбойника» — социального мстителя. Именно в этом образе получили наиболее яркое воплощение социальные идеалы крепостных крестьян, их испанить к угнетателям, вера в возмездие, в торжество справедливости. У каждого народа свои герои антифеодалной борьбы, образы их имеют свои специфические особенности и в то же время им присущи многие общие черты, обусловленные сходством исторической обстановки. У словаков все эти черты наиболее полное воплощение получили в образе Яношика, знаменитого «збойника», действовавшего в начале XVIII в. Рассказы и песни о Яношике занимают в словацком фольклоре видное место. Они привлекали внимание ученых еще в середине прошлого века, в последние годы ряд исследований посвятил им словацкий фольклорист А. Мелихерчик¹. Недавно вышедшая книга проф. П. Г. Богатырева является дальнейшим шагом в изучении словацкого «збойничьего» фольклора. В ней ставятся и разрешаются некоторые существенные проблемы антифеодалного фольклора и использованы неопубликованные записи произведений о Яношике, в том числе и записи последних лет.

В первой главе книги рассматриваются устные рассказы (предания, легенды). Автор прослеживает как развивались эти рассказы и как постепенно сложился яношиковский цикл. Он анализирует материалы судебного дела, дающие возможность установить некоторые первоначальные мотивы рассказов о Яношике. Возникшие еще при его жизни или вскоре после казни рассказы не имели ничего фантастического, они лишь идеализировали любимого героя. Позднее в них входят отдельные мотивы сказок и поверий. Взятые в целом эти рассказы создают яркий образ народного защитника, борца против панской неправды. В новых условиях, когда образ Яношика утратил агитационное значение, к нему были прикреплены и некоторые сюжеты рассказов о ловком воре. Так же в основном развивались предания о «благородных разбойниках» у других народов. Особенною словацких преданий, отмечаемой П. Г. Богатыревым, является более тесная связь со сказками.

¹ A. Melicherčík, *Jánošíkowska tradícia na Slovensku*, Bratislava, 1952, и другие работы.

Вторая глава посвящена песням о Яношике и «збойниках». В ней рассматриваются жанровый состав песен, их некоторые художественные особенности и выделяются мотивы, характерные для збойничьей песни. Особо рассматриваются ярмарочные («крамаржские») песни XVIII—XIX вв. и выясняется их роль в развитии словацкого песенного «збойничьего» фольклора. Заканчивается глава кратким обзором современного состояния збойничьих песен. Песни эти записываются и сейчас и часто в хороших вариантах (записи эти даны в приложениях). Но время расцвета их прошло. Песни сокращаются; нередко это только фрагменты их, наиболее выразительные части. Агитационное значение песни утратили и сохраняются лишь как исторические произведения, а также благодаря своим художественным достоинствам — глубокому лиризму, прекрасной мелодии.

Новым и очень важным в рецензируемом исследовании является то, что при рассмотрении мотивов преданий и песен о Яношике приводятся параллели из фольклора других славянских и соседних неславянских народов — венгров, румын, немцев. Сравнительный материал может быть дополнен (его полный обзор и анализ не входили в задачу исследователя), но он достаточно обширен и дает ясное представление о типологических особенностях «разбойничьего» фольклора. Показывая близость образов и мотивов преданий и песен о «разбойниках», П. Г. Богатырев подчеркивает и своеобразие их у каждого народа, вызванное особенностями исторической обстановки.

Интересная и очень ценная работа П. Г. Богатырева вызывает и некоторые замечания. Хотелось бы, чтобы в начале раздела о песнях был дан их общий обзор, рассмотрены их содержание и сюжеты, а потом уже анализировались их отдельные мотивы и художественные средства. Представление о песнях тогда получилось бы более полным.

Автор говорит о взаимной связи песен и преданий: песни как бы иллюстрируют предания, а предания поясняют то, о чем в песнях сказано сжато; одни и те же сюжеты могут передаваться как рассказ и как песня (стр. 52—53). Таким образом, между сюжетами и мотивами песен и прозаических преданий как будто нет различия. Едва ли это справедливо в такой категорической форме. Взаимосвязь между преданиями и песнями существует, и это естественно, так как они говорят об одних и тех же лицах. Общая идейная направленность и характер делают возможным и взаимопроникновение их мотивов. Вообще же песни и предания как бы дополняют друг друга, рисуют образ с разных сторон, основные же сюжеты и мотивы их разные. Так, в песнях почти не получил отражения мотив о кладах, столь характерный для преданий о «разбойниках». Песенные же пересказы сюжетов преданий встречаются, как правило, в поздних балладах, в произведениях литературных или связанных с литературой. И если бы был дан обзор сюжетов «збойничьих» песен, то их отличие от преданий и легенд, очевидно, выявилось бы. Правда, нельзя не отметить, что предания и песни о Яношике более близки по времени, чем, например, песни и предания о Разине.

Описание богатой одежды Яношика и его дружины П. Г. Богатырев считает специфической особенностью ярмарочных песен. Действительно, в народных песнях о Яношике таких описаний нет, но ведь песни-то эти очень короткие, часто фрагменты, четверостишия. Вообще же описание богатой одежды — одно из средств идеализации героя; оно встречается в русских разинских и «разбойничьих» песнях, в южнославянских гайдуцких песнях и др. (об этом говорится и в данной книге). И не случайно на народных картинках Яношик и его дружина изображены в нарядных одеждах. Вероятно, и описание костюма Яношика в ярмарочных песнях идет от народной традиции.

Нельзя согласиться, что детально анализируемый общий для песен всех славянских народов мотив смерть — свадьба возник как противопоставление самого печального (смерть) самому веселому (свадьба — стр. 88). Смысл мотива другой, и возникла эта символика на основе древних представлений: смерть, как и свадьба, — начало новой жизни. Уместно здесь вспомнить об обычае одевать умершую девушку как невесту, хоронить женщин в подвенечном платье и пр.

Образ Яношика получил отражение и в словацком народном изобразительном искусстве. В небольшой третьей главе П. Г. Богатырев рассматривает только один своеобразный вид этого искусства — картинки на стекле, изображающие Яношика с дружиной. Они показывают, как представлял народ Яношика. Жаль только, что в книге нет иллюстраций, они здесь необходимы. Отсутствие их вызвано, видимо, издательскими соображениями, так как в публикации на немецком языке² эта глава снабжена прекрасными иллюстрациями.

² P. G. Bofatvrev. Der Slovaksche Volksheld Janošik in Volksdichtung und bildender Volkskunst (Hinterglasmalerei). Zur Frage des vergleichenden Studiums von Volksdichtung und bildender Volkskunst. — В кн. «Zwischen Kunstgeschichte und Volkskunde. Festschrift für Wilhelm Fraenger». Berlin, 1960, стр. 105—127.

В качестве приложений к книге опубликованы рассказы и песни о Яношике: 1 — из архива Института этнографии Словацкой Академии наук (фонд д-ра Франка Вольмана — 10 легенд); 2 — из архива Словацкой матицы (фонд Галаша XIX—XX вв. — 117 песен); 3 — из архива Института музыковедения Словацкой Академии наук (40 песен). Приложения эти увеличивают ценность рецензируемой книги.

В целом новая книга П. Г. Богатырева является несомненным вкладом в изучение славянского исторического фольклора. Мимо нее не смогут пройти и исследователи феодального фольклора других народов.

В. Соколова

Българско народно творчество. В дванадесет тома. Редакционна колегия: проф. М. Арнаудов, Ив. Бурин, Хр. Вакарелски, проф. П. Динев, Д. Осинин (отговорен редактор). Том пети — Обредни песни; том шести — Любовни песни; том седми — Семейно-битови песни; том осми — Трудово-поминъчни песни.

Коллектив болгарских фольклористов и писателей успешно осуществляет издание многотомной антологической серии «Болгарское народное творчество». В 1962 г. вышли в свет четыре очередные тома, посвященные песенным жанрам. Подобно первым томам, охватившим основные виды эпической поэзии¹, рецензируемые тома представляют в серии законченный цикл и знакомят читателя с различными видами болгарской лирики.

Календарная и свадебная обрядовая поэзия составляют содержание тома, подготовленного к печати М. Арнаудовым и Хр. Вакарелским. Наиболее полно представлены здесь разнообразные типы колядок (некоторые из них — в двух и трех вариантах), а также «лазарские» песни, исполняющиеся девочками-подростками и девушками в хороводах и при играх во время праздника Цветница или Вербница. Сравнительно небольшое количество песен, впрочем достаточно характерных, включено в разделы, посвященные другим народным праздникам: зимним — Новому году, Водицам (6/18 января), Тодорице, Сирнице (февраль); весенним — мартовским дням, Великому дню, Юрьеву дню, майским праздникам, Еньову дню (соответствует Ивану Купале у восточных славян). В последовательности, соответствующей типичному «сценарию» болгарской свадьбы, размещены свадебные песни (здесь же приводятся и предшествующие свадьбе припевки о женитбе).

Органическая связь поэзии с обрядом определила композицию тома, расположение и членение фольклорного материала. Очень хорошо, что каждому из разделов предпосланы этнографические статьи, содержащие описание соответствующих праздников, обычаев и игр (иногда с указанием на региональные особенности). Это воссоздает целостную картину обрядового фольклора и вместе с тем облегчает восприятие помещенных в книге песенных текстов, помогает понять их смысл и бытовую функцию. Общая характеристика календарной обрядовой и свадебной поэзии содержится в статьях составителей.

Изучение обрядовой поэзии представляет немалые трудности, несмотря на то, что ей посвящен ряд специальных исследований. Богатый материал дает фольклор славянских народов. Не случайно такое большое внимание ему уделили в этом плане А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, Вук Караджич, Ч. Зибрт, Д. Маринов, И. Быстронь и другие крупные ученые славянских стран. Марксистская этнография и фольклористика в социалистических странах стремятся критически пересмотреть концепции буржуазных ученых и дать материалистическое истолкование обрядового фольклора. Достаточно напомнить в этой связи некоторые работы советских ученых — книгу В. И. Чичерова «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков» (1957), недавно вышедшую книгу В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники» (1963), работы С. А. Токарева и К. В. Чистова. В Болгарии, где обрядовый фольклор до последнего времени оставался живым элементом народной культуры, интерес к нему не ослабевает до наших дней. Заметный вклад в его изучение внесли и составители рецензируемого тома — авторы солидных исследований, относящихся еще к 20—40-м годам. Вступительные статьи и в рецензируемом томе опираются в основном на лучшие традиции и достижения болгарской фольклористики и этнографии.

М. Арнаудов в статье «Годовые праздничные песни» во многом исходит из современных научных представлений о связи календарной поэзии с общественными условиями, в которых она возникла и формировалась, с трудовой деятельностью народных масс. Он пишет, что обрядовые песни «выражают настроения и заботы, связанные

¹ См. рецензию Б. Н. Путилова «Българско народно творчество. В дванадесет тома, тт. I—IV...» в журнале «Сов. этнография», 1962, № 6, стр. 173—176.